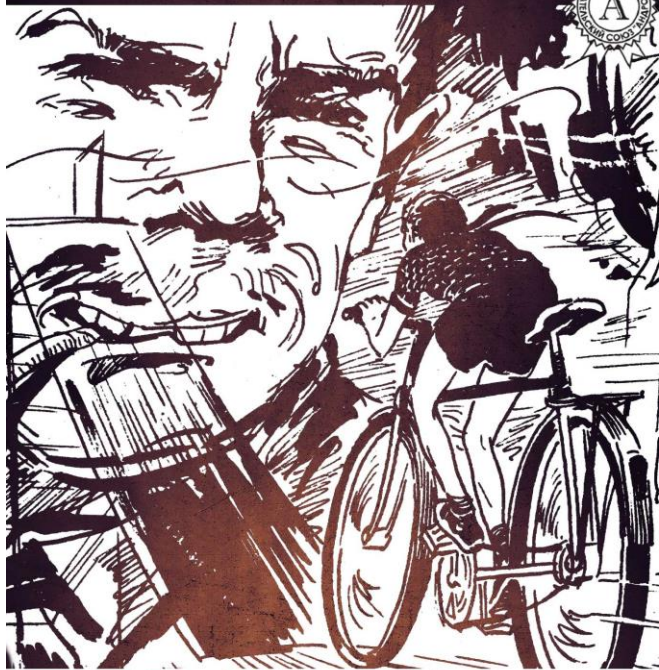

ВАЛЕРИЙ КИХТЕНКО

ПЛАСТИЛИНОВЫЕ

БОГИ

Аннотация

В детстве мы любим и ненавидим. Деремся до первой крови, доказывая, кто самый сильный. Можем убить за конфету и отдать все, что попросит друг. Молимся своим песочным идолам и подражаем игрушечным героям...

Все это непременно повторится, когда мы станем взрослыми.

Но мечты, битвы и кумиры уже не будут так много значить для нас. Ведь мы слепки своих детских жизней, прекрасные, но все-таки...копии.

Сборник рассказов «Пластилиновые боги» — именно об этом.

Об истоках добра зла. О первых шагах по краю пропасти, именуемой — Взрослая Жизнь. О возвращении туда, откуда мы все начинались. О той, всегда скрытой от педагогов и родителей стороне детства, в которой навсегда остались наши первые, самые ужасные и самые прекрасные открытия, наши пластилиновые боги.

Можно не верить в то, что все истории, поведенные автором сборника «Пластилиновые боги», произошли на самом деле. Но разве кто-то может быть уверенным, что с ним такого никогда не случится?

Валерий Кихтенко

Пластилиновые боги

Приквел

У американского писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда есть замечательное произведение «Необычайная история Бенджамина Баттона и другие рассказы эпохи джаза». Там жизнь главного героя движется в обратном направлении — от старости к младенчеству.

Со стороны это кажется невероятным, но до тех пор, пока это не случится с вами.

Так вот, со мной это уже случилось.

Дело в том, что чем старше я становлюсь, тем явственнее ощущаю себя ребенком.

Плохо это или хорошо?

Кто знает...

Но почему-то я уверен, что если даже жить «наоборот», как Бенджамин Баттон, то время все равно не остановится. Просто изменится его направление.

Где-то там, в высших материях время не движется по часовой стрелке или в обратном направлении, нет.

Оно просто существует. Существует себе потихоньку и...сжимается.

Вспомните, Римская империя распалась тысячелетие, а Советский Союз от силы за 2–3 года.

Да и мы сами постоянно воздействуем на форму и содержание времени.

Кто-то от него отстает, кто-то опережает, но большинство старается идти с ним в ногу. Потому что все боятся, что однажды их время сожмется окончательно, и они исчезнут в темноте, как тот парень в рассказе Фицджеральда.

Что же нам делать с этим ускользающим, неукротимым временем?

А ничего. Просто относиться к нему, как к лучшим детским денькам — бережно и честно.

И если однажды время на ваших наручных часах двинется против часовой стрелки, то значит, Бенджамин Баттон передает вам привет. И вам пора рассказать свои необычайные истории. Как это сделал я.

И тогда с каждой тикающей секундой, возвращающей нас в прошлое, деревья будут больше, а мы — меньше; звезды ближе, а корабли в море — выше и величественнее; отцы веселее, мамы моложе...

Тик! Нам еще 17...

Так! Уже 10...

Тик! Так! Давай попросим, чтобы мы сидели за одной партой?

Тик! Так! Божья коровка, полети на небко, там

твои детки кушают котлетки!

Тик! Так! Тик! Так! Ура! Я слепил из пластилина нашу Родину!

В детстве мы любим и ненавидим одновременно.

До крови бьемся, доказывая, кто сильнее.

Можем убить за конфету и отдать все, что попросит друг.

Молимся своим песочным идолам и игрушечным кумирам...

Все это непременно повторится, когда мы станем взрослыми. Но мечты, битвы и боги уже не будут так много значить для нас.

Ведь мы слепки своих детских жизней, прекрасные, но все-таки...копии.

Мои истории — именно об этом.

Об истоках добра зла.

О возвращении туда, откуда мы начинались.

О той всегда скрытой от педагогов и родителей стороне детства, в которой навсегда остались наши первые, самые ужасные и самые прекрасные открытия, наши пластилиновые боги...

Трамплин

*Время детских молитв
Пахнет сладостью лип
И собачьей пустой конурой...
Время детских молитв —
Это множество битв,
Где понятно: кто трус, кто — герой...*

Июль 1970 года выплеснул на городские улицы столько жары, будто хотел загнать в реку всех жителей и устроить всеобщую купальню. Пляжи в то лето были переполнены изнывающими от духоты телами. Но мы не ходили туда. Каждый из нас, восьмилетних пацанов городской окраины, был бесконечно предан своим любимым забавам. Мы катались по закоулкам района на своих «Орленках», соревнуясь в лихой езде и пугая степенных бабулек.

....В тот памятный день я и мои школьные товарищи колесили допоздна. Густели сумерки, людей в парке становилось все меньше и меньше, а мы все катались.

Я тогда первый заметил, что за нами наблюдает какой-то человек. Он стоял позади детской железной горки, прислонившись к стволу дерева. Как только наши взгляды встретились, он

вышел из темноты.

Высокий, полноватый. Лысина, глубоко посаженные, беспокойные глаза, жиденькие рыжеватые усы и массивный подбородок. В белой рубашке и светлых клетчатых брюках, на мизинце — перстень внушительных размеров. Низкий и внятный голос:

— Здравствуйте, мальчики! Хорошая штука! — Он погладил руль моего велосипеда. — Когда я был маленький, таких еще не было... Хотите, в игру сыграем?

Что-то тревожное было в его предложении, и мы дружно, словно сговорившись, развернули велосипеды к выходу из парка.

— Нет, подождите, вы не поняли...

Он проворно преградил нам путь, достал из кармана сигарету и жадно затянулся, церемонно выпуская дым из ноздрей.

— Вы — актеры, я — зритель. Вы играете, я плачу.

— Что еще за игра такая? — не вытерпел я.

Он быстро подошел к железной горке, похлопал ладонью по блестящему, накатанному склизу и сказал:

— Нужно заехать на велосипеде на эту штуку. Кто сможет — заработает 60 рублей.

Мы застыли от неожиданности. 60 рублей! Да за такие деньги можно два «Орленка» купить и еще

на «Эскимо» останется! Но никто из нас даже не пытался покорить детскую горку. Слишком велика была опасность свалиться на землю с двухметровой высоты. Но 60 рублей — это 60 рублей...

— Дядя, а вы не шутите? — спросил недоверчиво Игорек Колесников, мой сосед по школьной парте.

Незнакомец вытащил из кармана толстую пачку денег. Я столько никогда не видел.

— Ну, начали, кто первый?

Он воровато зыркнул по сторонам и повторил вопрос, отсчитывая от пачки шесть «червонцев».

Двое из нашей команды сразу отказались и уехали. Остались: я, Игорек и еще один мальчишка по прозвищу Гайдан.

Через пару минут мои друзья уже вступили в состязание с призовым фондом в 60 рублей. Поскольку горок было две, Игорек и Гайдан могли соревноваться одновременно. В то время как они гремели велосипедами по железному склизу, соскакивая с «великов» после неудачных попыток, я стоял неподалеку и не решался присоединиться к ним. Кто этот дядя в клетчатых брюках? Зачем ему все это нужно? Скорее всего, обдурит... Или даст «десятку», не больше...

Тем временем незнакомец, взобравшись на площадку одной из горок, подзадоривал юных каскадеров:

— Ну, смелее! Вам рукоплещут трибуны! Ай-й-й... Ну кто вас ездить учил? Слабаки, давай еще попытку...

Очередная попытка не состоялась. При падении Гайдан разбил лицо в кровь. Утирая слезы, он быстро вскочил на велосипед и укатил. А Игорек, видя такой поворот событий, прекратил участие в состязании.

Дядю между тем ничуть не взволновала кровь Гайдана. Поглаживая «червонцами» подбородок, он презрительно уставился на Игорька и со смехом произнес:

— Ну, что? Слабо? Денежки даром не даются — надо честно заработать... Трус не играет в хоккей! Ну, чего остановился?

Игорек, опустив глаза, отрицательно покачал головой.

— А денежки-то, вот они! — дядя размахивал купюрами перед лицом мальчика. — Один заезд — и купишь себе велосипед заграничный. Я в «Спорттоварах» видел, шикарный... Может, купишь, а может, и... хребет сломаешь... ..

Незнакомец громко рассмеялся прямо в лицо Игорьку, который от неожиданности попятился и упал на свой велосипед. Мне стало не по себе. Чего хочет этот тип? Чего пристал? Ну, не смогли ребята заехать на горку, так зачем же насмеяться?

... Мы молча сели на велосипеды, но сильная рука вцепилась в «седушку» моего «Орленка».

— Как, моему юному другу не нужны 60 рублей?

Я оглянулся. Незнакомец с презрительной улыбкой окинул меня взглядом:

— Велосипед у тебя довоенный. На свалке нашел?

— Уберите руку с сиденья!

— Так тебе не нужны деньги?

— Нет.

— Трус! Твои приятели были смелее... Ну, кати отсюда! Может, мамка на мороженое даст...

Лысый вел себя, словно ребенок, и это было как-то несовместимо с его возрастом и внешней солидностью. К тому же, он сильно изменился всего за полчаса, прошедшие с момента его появления. Да вы бы видели его лицо! Он злорадствовал в каком-то пьяном восторге, будто одержал неимоверно трудную победу... Но над кем? Над тремя глупыми мальчишками, вздумавшими поиграть в не детские игры? Это становилось похожим на неприятный сон. И я уже всерьез подумал: всех ли винтиков хватает в его лысой башке?

— Ну, что, карапузы? По коням? — не унимался дядя. — Или еще поиграем?

И тут я сказал: «Поиграем». До сих пор не

возьму в толк, почему решился на это. Наверное, этот тип вызвал у меня редкое чувство отвращения с досадой в придачу. Но главное — растоптанное достоинство. Оно валялось в пыли, под ногами незнакомца и взывало меня к действию...

— Стас, не надо... — дергал меня за плечо Игорек. — Ну, Стас, поехали домой...

Но я уже знал, что буду играть. Не за 60 рублей, а за Игорька, за разбитое лицо Гайдана, за себя, в конце концов. Трус? Посмотрим, кто из нас трус!

И я начал. Все смешалось в моих глазах. И только железный склиз горки в свете вечерних фонарей блестел передо мной, как очень высокий, чудовищно недоступный и самый главный в моей жизни, трамплин.

Попытка... Неудача... Еще... Быстрей... Разгон
...Девять... Верх — низ... Двенадцать... Все!
Заехал!!! Ура! Получи фашист гранату!

Лишь долю секунды я находился на вершине горки, а подо мной — внизу, широко расставив ноги, стоял Он, и лицо его было восхитительно растерянным...

Мгновение я торжествовал победу. А потом, потеряв равновесие, рухнул вниз, в темноту парка... Последнее, что я запомнил, кувыркаясь

вместе с велосипедом, фонари и звезды, мчащиеся по кругу...

...Шестьдесят рублей в кармане своей рубашки я нашел в салоне «скорой помощи», когда меня с переломанной ключицей везли в «травмпункт».

Когда этот тип успел сунуть мне деньги? До сих пор не пойму. Игорек сказал, что незнакомец убежал сразу, когда увидел мое падение с «пьедестала».

Деньги мы разделили по-братски. О случившемся вспоминали редко — как-то неприятно было. Лысого тоже больше не видели. Да и детство — такая пора, когда каждый новый день наполнен стольким количеством значительных моментов, что предыдущие события просто растворяются в памяти, как рисунки мелом на мокром от дождя асфальте.

Многое забылось. Но все, что было связано с лысым типом в клетчатых брюках, крепко засело в голове. Может быть, поэтому я до сих пор мучаюсь вопросом: кто он и зачем ему все это было нужно?

Ответа нет.

...Игорек окончил спортивный интернат, играл в известной баскетбольной команде. Живет в украинском городе Лисичанск.

Гайдан стал музыкантом. Играет в одном из кафе Мариуполя. Недавно благополучно перенес серьезную онкологическую операцию.

Стас служил в Афганистане танкистом. Погиб в 1983 году, в последний день службы — во время ночного боя.

Люкс для таракана

*Мне бы Детство увидеть хоть раз...
Я тогда б его за руку взял,
И увел бы подальше от глаз,
И про все бы ему рассказал...*

Стена с мокреющей, отслаивающейся побелкой. Длинное, узкое зеркало с трещиной по диагонали — коридором для тараканов. Черная этажерка с беспорядочно рассованными предметами туалета неприхотливого жильца. Овальная ямка слива с решеткой, постоянно забитая густками чая и всякой шелухой.

Придет час, и я ткну сюда физиономией кого-нибудь из наших квартирантов. У, чистюли... Ходят в костюмчиках, а гадят на каждом шагу...

Мама называет это вонючее помещение

ванной комнатой. С ней не спорю. Пусть говорит, что хочет, а я на дверь налепил бумажку с надписью: «Одноместный люкс для тараканов». Кстати, одного из трех жильцов, занимающих мою Детскую дважды в год, я прозвал Тараканом. Двух других — Клопом и Кузнечиком. Таракан — самый вредный. Постоянно кромсает свои черные усища перед зеркалом, приговаривая: «Опять Кавказ развел под носом». Ох, как я не люблю, когда Таракан присядет на диванчик рядом с мамой, оскалится лошадиными зубами и ноет:

— Милая Клавдия Андреевна! Ах, как-то неловко опять просить вас... Ну, в общем, можно мы завтра немножечко пошумим, к нам коллеги придут...Знаете ли, в кругу друзей редко общаемся...Как всегда, все в пределах советского законодательства...Мы же — будущие юристы! Ну, конечно, не до утра, что вы! Ой, спасибочки...Вы — удивительная женщина!

Вообще-то, мне гости не мешают, только бы ни приставали. Тараканий «люкс» — единственное место в нашей бывшей «коммуналке», где я могу спокойно сочинять, а когда у квартирантов веселье, то даже здесь не усидишь... Выбегут на кухню покурить и шумно спорят о всякой ерунде, которая сбивает меня с мысли. То о взаимоотношениях преподавателей со студентами, но о новых законах, то о чьей-то короткой юбке...Короче, балдеют

по-своему.

Вот и сейчас, полный комплект «таракановской» компании обсуждает идиотский вопрос: почему «заочникам» не платят стипендию? Пора бы им уже заткнуться, а то опять не напишу стихотворение к новогоднему школьному вечеру...

...Кто-то нагло рванул дверь. Ха-ха, она на щеколде.

— Эй, Маяковский, ты там не застрелился?

Это Таракан.

— Аркаша, кончай пацана цеплять...

Это Кузнечик. Его уважаю. Он в Афгане воевал. Хотя, может быть и врет. К нам в школу приходил один «афганец», так тот на костылях был и с красной звездой на пиджаке.

— Да отвяжись...

Это Таракан Кузнечику.

— Слышь, Маяковский... Как мужчина мужчине... У нашей дамы осложнение — надо бы умыться... Ты же, я надеюсь, джентльмен?

Я резко распахнул дверь. Таракан, Кузнечик и одна рыжая высокая девушка — курят. Другая, в коротком темном платье и красных сапожках, стоит, прикрывая рукой правый глаз и виновато смотрит на меня:

— Извини, можно я умоюсь...? Что-то в глаз попало...

Я посторонился, пропуская ее к умывальнику.